

Евгения Изюмова

«Верные присяге»

г. Волжский

Эта небольшая повесть создана из воспоминаний воинов-фронтовиков, которые защищали нашу Родину и после войны. И не беда, что об одном и том же человеке есть несколько очерков – о защитниках Родины можно писать бесконечно: они этого заслуживают.

ПУТЬ СОЛДАТА ОТ МОСКВЫ ДО АВСТРИЙСКИХ АЛЬП И ОБРАТНО ДО ВОЛГИ

(Воспоминания полковника Дмитрия Романова)

Я родился в Москве на Арбате в знаменитом роддоме № 1 им. Градуэрмана, который обессмертил Станислав Говорухин в своём фильме «Место встречи изменить нельзя».

Мы жили на Гоголевском бульваре в доме № 29 на четвёртом этаже. Из окон нашей квартиры были видны Кремлёвские звёзды и слышен звон курантов. Словом, детство моё прошло в самом центре старой Москвы, и я лишь много лет спустя смог оценить, что жить в таком историческом месте - великая удача.

Театры, музеи, исторические здания старой Москвы, взаимоотношения жителей этой части города... Всё это было воздухом, которым я дышал. Но самая главная удача, дарованная мне Богом - моя мама, Анна Никифоровна. Таких, как она, называют - ангел-хранитель своего дома, и всё в нашей семье держалось на маме. Она обладала качествами, которые, по-моему, присущи только русским женщинам, и самое главное из этих качеств - умение сглаживать все семейные шероховатости. Мама была верующим человеком и с детства внушала мне, что жить надо по-христианским обычаям. Её мудрость поддерживала меня в самых тяжёлых жизненных ситуациях. Она часто говорила:

- Если какой-то человек кажется тебе плохим, посмотри на себя, поищи причину в себе, никогда не копи обиду на этого человека, учись прощать. Не переживай, если люди будут плохо о тебе говорить. Не

впадай в уныние, думай о том, сколько всего хорошего есть в твоей жизни.

А ещё в детстве я общался с ребятами, которые стали знаменитыми людьми в нашей стране и во всём мире, ими гордился наш народ. Я учился в 79-й школе Москвы, и моим одноклассником был Олег Ефремов, будущий народный артист СССР и главный режиссёр Московского художественного академического театра им. Горького, но в 1987 году театр разделился на две труппы, и Ефремов возглавил Московский художественный театр им. А. П. Чехова. Мы с Олегом дружили, коллекционировали марки - тогда многие дети собирали марки, обменивались марками.

А потом началась война...

22 июля 1941 года был первый налёт на Москву фашистских бомбардировщиков Ю-88, их сопровождали истребители «мессершмидты». Всего было более 500 самолётов. У них была задача сжечь Москву, потому сбрасывали в основном зажигательные бомбы, и мы, мальчишки, вместе со взрослыми дежурили на крышах, тушили их и сбрасывали «зажигалки» вниз. Об этом можно много говорить, но мы просто делали своё дело во имя своей Родины и нашего любимого города. Кроме дежурства на крыше, мы помогали взрослым устанавливать противотанковые «ежи», рыли окопы на подступах к Москве, многие ребята работали на заводах, в том числе и на военных, заменив своих отцов, ушедших на фронт. Война принесла и нам семейное горе - в 1941 году в боях за Москву погиб мой родной брат Борис.

Я, как и многие мои сверстники, тоже работал на военном заводе. В 1942 году на завод приехал генерал-майор авиации, он был братом моего мастера - Зимин Александр Владимирович. С ним был усатый лётчик-подполковник. Вот когда они проходили по цеху, то подошли ко мне. Лётчик пожал мне руку и сказал, конечно, шутя:

- Пойдёшь в армию, приходи к нам, будешь лётчиком, - и пожал, прощаясь, мне руку.

Потом уж мне сказали, дескать, знаешь, кто тебе руку пожал? Я,

естественно, не знал. «А это был Василий Сталин!» - сообщили мне. Я потом две недели руки не мыл.

В 14 лет я получил первую награду - медаль «За оборону Москвы», она для меня из всех наград - самая дорогая, дороже фронтовых.

В 1944 году я добровольно ушёл на фронт и с боями прошёл Украину, Молдавию, затем - Румынию, Венгрию, Югославию, Австрию. Получил 9 благодарностей от Верховного Главнокомандующего т. Сталина, кроме них на гимнастёрке появились медали «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда», «За взятие Вены», «За Победу над Германией».

На войне - как на войне... Солдатский труд - тяжёл. Порой, не хочется даже вспоминать те годы. Но один эпизод никак не выходит из памяти. Дело было в Венгрии вблизи озера Балатон. Немцы прорвали нашу оборону, «бросив» на наши позиции сотни танков, потеснили нас к самому Дунаю, и некоторые части попали в окружение, в том числе и наша рота. Я служил во втором взводе, и наш командир сумел вывести нас к своим, а первый взвод полностью попал в плен.

Война для меня закончилась в Австрийских Альпах в 150-ти километрах от северной Италии. Там мы встретились с американской армией и очень удивились, что большинство солдат - негры. И было нам забавно узнать, что мы «вторглись» на 100 километров на «американскую» территорию: дело было в том, что по Ялтинскому соглашению между Сталиным, Черчилем и Рузвельтом эта часть Австрии должна контролироваться США. Но мы оказались намного быстрее американцев. Узнав, что эта территория «американская», мы быстро отошли назад, так что конфликта с руководством американских войск не было.

Именно там, в Австрии, мы освободили пленных советских солдат, и в том лагере оказались ребята из первого взвода нашей роты. Они нам рассказали про ужасы плена. К примеру, если при обыске находили у солдата партийный или комсомольский билет, то его расстреливали на месте. Так что наших сослуживцев осталось в живых совсем немного. Но зато сколько было

радости при встрече! И хорошо, что это именно мы их освободили, а то неизвестно, что было бы с пленными, если бы их освободили американцы, они ведь старались наших пленных привлечь на свою сторону или просто отправить в США.

Победа - это незабываемое событие, это была радость, но со слезами на глазах. Я-то выжил, а брат мой погиб, и почти у каждого моего фронтового товарища кто-то погиб на фронте, кто-то умер в тылу - там ведь тоже жизнь была не сахар. Мы защищали свою страну в окопах, а тыл нам отдавал последнее, помогая нам приблизить Победу. И в тоже время столько солдатских могил на чужой земле - наши воины освободили от фашизма не только свою страну, но и всю Европу. Там, в Австрии, в Вене был установлен памятник нашим воинам, павшим в боях за освобождение австрийской столицы. Вторая сверху - фамилия командира нашего полка Бугаева Владимира Фёдоровича, тоже москвича, как и я, но жил он в Сокольниках. 13 апреля 1945 года мы взяли Вену, но командир наш так об этом и не узнал - погиб 9 апреля. Вечная слава героям, павшим за независимость нашей родины в схватке с фашизмом! Вот только, учитывая события 2015 года, когда России вновь навязывают гонку вооружений и пытаются оставить её в изоляции, стоит ли тот памятник на месте?

9 мая 1945 года - славный, победный день, когда наконец-то завершилась кровавая бойня, навязанная нам фашистами. И главный тост в тот день был в честь самого важного русского человека во Второй Мировой войне: рядового солдата Советской Армии, он и сейчас звучит, когда собираются вместе фронтовики, так поклонимся великим тем годам нашей боевой славы за всю историю Советского Союза.

С окончанием войны моя служба в армии не завершилась. Один год служил в Австрии, два года - в Венгрии, а потом нашу часть перевели в СССР, и мы стали «кочевать» по стране уже в составе инженерных войск - Донбасс, Куйбышев, Баку... Мы восстанавливали нашу разрушенную страну.

Я приобрёл во время службы немало профессий, каждая из моих

военных специальностей могла бы пригодиться и на «гражданке», но я понимал, что больше пользы от меня будет в армии, и потому в 1949 году поступил в Ленинградское военное Краснознамённое ордена Ленина инженерное училище.

Ленинград - это город-музей, город-сказка. Что ни улица - история страны, история великих людей. Об этом городе можно писать бесконечно и много хорошего сказать, и вообще - случай жизни, который неожиданно выпал человеку познакомиться с ним. Я счастлив, что такой случай выпал и мне.

Наше училище располагалось в Михайловском замке, где была царская спальня императора Павла I, в которой его и убили. Так вот в ней была спальня нашей 12-й роты. Потолок - это небо, звёзды, млечный путь. Смотришь, и кажется, что это наяву - звёздное небо над головой..

После окончания училища я и четверо моих сокурсников получили назначение в Северо-Кавказский военный округ, а командование округа направило меня в Сталинград, а оттуда меня направили на о. Зелёный, где формировался 221-й отдельный инженерный батальон разминирования.

В 1950 году вышло постановление правительства о строительстве Сталинградской ГЭС, но земля и речное дно там после военных действий были буквально нашпигованы десятками тысяч не взорвавшихся снарядов, авиабомб, мин, гранат. И всё это надо было обезопасить. Для проведения работ по разминированию дна Волги, оси ГЭС и её берегов и местности, где будет вести строительство, на основании директивы Генерального штаба в мае 1951 года была создана отдельная рота разминирования, а на базе этой роты - 221-й отдельный инженерный батальон разминирования. После обучения личного состава батальон в апреле 1952 года приступил к выполнению своих задач.

Для сапёров под Сталинградом началась новая «война», впрочем, для некоторых старослужащих она и не заканчивалась, потому что в каждом взрывоопасном объекте таилась смерть, как это было на фронте. Особую

опасность представляли немецкие неразорвавшиеся снаряды и авиабомбы. Перед батальоном поставили задачу в течение трёх лет провести сплошное разминирование территории, и он выполнил её в срок. За добросовестное выполнение этой задачи Указом правительства многие получили награды, а часть была переформирована в 275-й ОУПДБ, а потом в 102-ю военную школу младших специалистов, а дальше - в Учебный центр инженерных войск.

Наша часть часто привлекалась на окружные учения, где мы всегда получали от командования высокие оценки за боевую подготовку специалистов. Незабываем был для меня тысячекilометровый марш, когда мы должны были переправить через Волгу, Дон и Терек танковый полк. Двигаться мы должны были только ночью, используя приборы ночного видения. Это была очень сложная задача, но наши бойцы успешно справились с ней, честь и хвала им за это! Я был руководителем десантно-переправочной группы средств - ГСП, ПТС, и так переживал за порученное дело, что похудел на 8 килограммов.

В 1961 году нашей части было дано очень важное и секретное задание: встретить после приземления первого космонавта. Дело в том, что, хотя и была определена точка приземления спускаемого аппарата, всё же не исключалась и некоторая неточность в приземлении, тем более что вокруг Волгограда и Волжского немало рек и прочих водоёмов, куда мог упасть спускаемый аппарат. И нам поступил приказ организовать мобильные спасательные группы, в составе которых были плавающие машины с радиостанциями. Они поддерживали связь с поисковым штабом Качинского лётного военного училища. Но спасти нам Юрия Гагарина не пришлось, так как он приземлился в районе г. Энгельс Саратовской области - почти там, где и было намечено.

Среди старших офицеров части сложился слаженный и сплочённый коллектив единомышленников. С огромной теплотой и уважением вспоминаю боевых офицеров-фронтовиков, прошедших трудными дорогами

Великой Отечественной войны. Свои знания и опыт они передавали своим подчинённым. К великому сожалению, тех боевых офицеров, с кем пришлось мне служить, уже нет в живых - это полковник Евгений Николаевич Дроконов, подполковник Александр Андреевич Тушев, полковник Василий Васильевич Щеглов, подполковник Дмитрий Владимирович Скориненко, полковник Пётр Семёнович Фёдоров, полковник Леонид Николаевич Суцепин, полковник Михаил Даниилович Зятков, полковник Сергей Фёдорович Кольчин, подполковник Григорий Иванович Подкопаев, подполковник Александр Ефимович Басалаев, подполковник Дмитрий Васильевич Виноградов, майор Филимон Харлампиевич Зайцев, майор Кузьма Тихонович Вербицкий, подполковник Д.Л. Белозёров. Пусть земля им будет пухом и царствие небесное!

Я отдал армии 32 года, пройдя путь от командира взвода до начальника техслужбы части и заместителя командира части по технической части. Указом Главнокомандующего вооружёнными силами Российской Федерации от 27.04.2000 г. мне было присвоено звание «полковник». После службы в армии я 20 лет трудился в автоколонне 1732, а потом ушёл на заслуженный отдых.

После демобилизации из армии я был у Олега Ефремова в гостях (мы не виделись около 35-ти лет). Олег жил на Суворовском бульваре, его сыну Мише было тогда лет десять. Мы вспоминали наше детство, одноклассников, оказалось, что я один из всех наших был на фронте. В тот день к Олегу в гости пришёл Евгений Евстигнеев, тоже народный артист, и я за столом оказался рядом с ним. Ну а потом я гулял по родному городу. Смотрел на старушек дореволюционного возраста, сидевших на скамейках Суворовского бульвара, таких благообразных, немного чопорных, и ощущал необыкновенное тепло в сердце, ведь и они - частица истории нашей страны.

В 60-е годы (не помню точно год, знаю лишь, что у власти был уже Н. С. Хрущёв), я приехал в отпуск к маме, и она неожиданно сказала:

- Хочешь увидеть Молотова?

Ещё бы я не хотел увидеть Вячеслава Михайловича Молотова, второго человека в правительстве страны при Сталине!

- Ну тогда садись на лавочку на бульваре, - она показала на одну из скамеек, - и жди: до полдесятого он пройдёт мимо тебя, он всегда в это время гуляет.

И точно! В 10-30 со мной поравнялся Молотов - на голове его была шляпа, при ходьбе он опирался на тросточку. Я встал по-армейски на вытяжку и громко приветствовал его:

- Здравия желаю!

Вячеслав Михайлович приветственно чуть наклонил голову и прошествовал далее.

ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ 17420 И ЕЁ ЛЮДИ

Дмитрий Владимирович Романов служил в части, которая стала городу Волжскому словно старшая сестра, оберегающая город до сих пор от «подарков» военного времени. О части и её рядовых военнослужащих и офицерах часто писали в местной прессе. Александр Георгиевич БАХТИН, Ирина БЕРНОВСКАЯ, Евгения ИЗЮМОВА. Одним из героев их очерков был и Д.В. Романов. Кроме того Евгения ИЗЮМОВА написала книгу «Зона ответственности» об этом славном воинском подразделении, в ней есть очерк о нём, но, к сожалению, книгу эту так и не удалось издать.

СЛУЧАЙ СТАЛ СУДЬБОЙ

Для любого ветерана Великой Отечественной войны жизнь делится на две части: до начала войны и после войны. От этого никак не уйдёшь, это - судьба всех советских людей. Но то, что Дмитрий Владимирович Романов стал военнослужащим - случай.

Дмитрий Романов родился в Москве, там выросли его родители и деды-прадеды. В их роду нелёгкую стезю военного выбрали 17 человек - двоюродные братья Дмитрия. В 1941 году все они ушли на фронт.

Дмитрий Романов родился в 1927 году, и когда началась война, ему было 14 лет. Паренёк только-только завершил учёбу в седьмом классе, раздумывал, как жить дальше, ведь его мать, Анна Никифоровна, воспитывала без мужа троих детей - он умер, когда Диме было всего 5 лет. Война - страшное время, крушение надежд многих людей. О первых днях военной круговерти Дмитрий Владимирович сейчас рассказывает спокойно: «Ну, какое воспоминание о начале войны? Всё было, как у всех. Война, патриотический подъём: на родину напал враг, и его надо разбить. Брат мой ушёл на фронт, погиб под Ростовом в 1941 году. А мы, мальчишки, вступали в пожарные добровольные дружины. Немцы думали, что сожгут Москву, да просчитались - Москва была готова к обороне: все москвичи, кто остался в городе, как один встали на её защиту».

Московские мальчишки... Они помогали ловить наводчиков, когда начались бомбёжки столицы, дежурили ночами на крышах домов родного города и тушили «зажигалки», работали рядом со взрослыми на предприятиях, строили оборонные укрепления не только на подступах к Москве, но и на улицах города. Это сейчас, когда смотришь назад, непонятно, как смогли они выстоять, а они смогли, даже получали боевые награды. Вот и Дмитрия Романова наградили медалью «За оборону Москвы». И в середине 1944 года в семнадцать мальчишеских лет он добровольцем ушёл на фронт, как и родной брат Борис.

Дмитрий попал на 3-й Украинский фронт в сапёрные войска. Солдаты строили блиндажи, рыли окопы, ставили различные мины. По мнению Романова, сапёр - трудяга, который умеет всё: строить, взрывать, заниматься разминированием. В их руках были лопаты, топоры и пилы. Они шли в бой, увешанные противопехотными минами, у каждого наготове ножницы по металлу, чтобы сделать проход в проволочных заграждениях, куда вливались наступающие войска.

Часть, в которой служил Дмитрий Романов, участвовала в Ясско-Кишиневской операции, с боями прошла Болгарию, Румынию, Югославию, Венгрию, Австрию, и на его груди появились медали «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За взятие Белгорода».

Это было необыкновенное, победоносное время, когда Советская армия неуклонно продвигалась вперёд. Люди проявляли настоящие чудеса храбрости и самоотверженности, казалось, что подвиг для них стал обыденным делом, потому командиры едва успевали заполнять представительства на награждение орденами и медалями. После боя многим вручали «Благодарность Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза». Таких Благодарностей у Дмитрия Владимировича – девять.

Обычные четвертушки бумажного листа, который ныне зовётся «формат А6», пожелтевшие от времени, с размытыми от влаги строками. 24

августа 1944 года – Благодарность за Яссо-Кишиневскую операцию, а следом – за взятие румынского города Бокэу. Потом наступил победный, 1945 год: «Красноармеец Романов Д. В.! Маршал Советского Союза товарищ Сталин приказом войскам 3-го Украинского фронта от 24 марта 1945 года за № 306 объявил Вам благодарность за отличные боевые действия по разгрому танковой группы противника Юго-Западнее Будапешта и прорыв обороны немцев в городах Бор, Секешфехервар, Зирея, Вена».

Весной сорок пятого наступление стало столь стремительным, что границы стран пересекались одна за другой – Болгария, Югославия, Венгрия... Время между выходом приказов об объявлении Благодарности равнялась порой двум-трём суткам, потому что в иной день освобождались от немецких оккупантов несколько городов подряд. Например, 13-15 апреля – Байя, Печ, Махач, Сексард, Санкт-Пельтен, Капошвар, Черно...

Война для Романова окончилась в Австрии (память о том - медаль «За взятие Вены») в городе Линц. Пришел командир батальона и буднично сказал: «Всё, ребята, войне конец!» Ни торжественного построения, ни громких речей. Лишь оглушающая стрельба в небо из всех видов личного оружия, а потом, конечно, застолье. Выпили за Победу, порадовались, что остались в живых, помянули погибших товарищей, думали о скорой встрече с родными. А вышло иначе - служба в армии продолжалась. Солдаты 1927 года рождения служили за тех, кто погиб, и за тех, кто ещё не подрос для службы в армии. Победа - победой, а социалистический лагерь расширил свои границы на территории, по которой прошли советские войска, поэтому Дмитрий после войны один год служил в Австрии, два - в Венгрии. Затем часть перевели в Советский Союз, и полетела служба в Донбассе, Куйбышеве, Баку...

И вот в Баку случилось то, что определило жизненный путь Дмитрия Романова, именно там был своеобразный «водораздел» его судьбы, деление на «до» и «после войны».

Старослужащих, прошедших горнило войны, собрали и предложили поступить в Ленинградское военно-инженерное училище. Кому, как не вчерашним солдатам, стать офицерами и профессиональными защитниками Родины, ведь Победа - победой, а вокруг социалистического лагеря стояли враги - войска образованного недавними союзниками блока НАТО. Мало того, США изготовили атомную бомбу и дважды испытали силу радиоактивного удара в Японии 9 августа 1945 года - от сброшенных атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки, где погибло около 80 тысяч человек.

Дмитрий задумался: была война, каждый готов был умереть, и он - тоже, но ему предстояло служить в армии ещё три года, это практически потерянное для мирной жизни время - окончательно забудется, что изучал в школе, потому в институт поступить практически нет надежды - там, на экзаменах, потребуются, прежде всего, знания, а не военные заслуги. Конечно, в сапёрных войсках многие получили новые профессии: в Венгрии и в Австрии занимались восстановительными работами, когда оказались в Донбассе - работали токарями, слесарями в ремонтных мастерских, каменщиками и плотниками на строительстве домов. Ну, отслужит он, сколько положено, демобилизуется в звании, допустим, старшины, а потом что? И Дмитрий принял практичное жизненное, поистине судьбоносное, решение: поступить в военное училище - и образование получит, и служба в армии пройдёт. И не подозревал, что Советской Армии отдаст 32 года своей жизни и уволится в запас в звании подполковника с должности заместителя командира части по технической части, расположенной в городе, которого ещё тогда и в проекте не было. Так что судьбой Дмитрия всё-таки распорядился Его Величество случай: не было бы предложения поступить в военное училище - не стал бы профессиональным военным.

В 1949 году Дмитрий Романов стал курсантом Ленинградского военного Краснознамённого инженерного училища. Дни полетели стремительно: с шести утра до десяти вечера у курсантов теоретические занятия в классах или практические - на полигоне. Ни одной свободной

минуты, потому среди курсантов поползли слухи, что их готовят к военным действиям в Корею, с которой в 1951 году началась война. Однако всё завершилось без их участия, и наступил день после сдачи экзаменов, когда новоиспечённым лейтенантам объявили о месте будущей службы.

Распределение шло без всяких льгот - по алфавиту: А, Б, В - Уральский военный округ; Г, Д, Ж - Дальний Восток... И молодые офицеры, чьи фамилии начинались с этих букв, говорили: «Есть!» - и отправлялись беспрекословно на место службы. Дошла очередь и до Дмитрия: «Романов, Попенков, Порох, Рафф - в Северо-Кавказский военный округ!»

Романов сначала служил в Сталинградских Красных казармах: там дислоцировалась 186-я отдельная рота разминирования. Потом сформированный на базе роты 221-й отдельный инженерный батальон разминирования оказался на рукотворном острове Зеленый, который образовался потому, что строители ГЭС изменили русло реки Ахтубы, не втекавшей в Волгу, а, как ни странно - вытекавшей из неё..

На месте новой дислокации было пусто - ни единого здания. Построили солдаты землянки, благоустроили, и в тех землянках расположились три роты. Первой командовал Дмитрий Васильевич Виноградов, второй - Филимон Харлампиевич Зайцев, третьей - Кузьма Тихонович Вербицкий. Романов командовал взводом в роте Вербицкого, Его друзья-сослуживцы, тоже недавние курсанты,: Подкопаев - в роте Виноградова, Сتمповский - в роте Зайцева. Ежедневно бойцы и офицеры батальона уходили на боевое задание - иначе их работу и не назовёшь, потому что имели дело с минами и снарядами, коварным оружием военного времени, ждавшего своего часа, чтобы поразить людей, оказавшихся в районе его «обитания». Левобережье Волги в районе Сталинграда представляло собой систему минных полей, устроенных во время войны на случай прорыва немцами линии обороны советских войск. Карты минных полей были утеряны, правда, служил в части офицер, который участвовал в минировании окрестностей Сталинграда, он по памяти составлял карты, по ним и действовали сапёры.

Романов командовал взводом водолазов, его заместителем был Александр Симченко. Ежедневно водолазы уходили под воду, обследуя каждый метр речного дна, где должна стоять будущая ГЭС. Однажды нашли затонувшую баржу со снарядами, в другой раз обнаружили трактор, который они передали строителям. Катер водолазов дежурил и у земснаряда, чтобы сразу принять в свои «объятия» поднятый в размываемом грунте со дна реки снаряд. Сапёры, вызванные водолазами, действовали быстро и, если можно так сказать - качественно.

Сегодня ветераны воинской части 73420 с гордостью говорят, что за три года работы ни разу не было подрывов ни солдат, ни гражданских лиц - настолько тщательно и осторожно работали сапёры. Конечно, сказывалась квалификация солдат, военная подготовка их командиров, ведь почти все они воевали и хорошо помнили, что фраза «сапёр ошибается только раз» - не просто фраза, это правило, за нарушение которого часто платили жизнью.

Когда на строящейся ГЭС забили шпунты, сапёрам-водолазам приходилось охранять их от льдин во время ледохода: мелкие отталкивали баграми, крупные - взрывали. В этом обнаружился и приятный аспект - на поверхность всплывали оглушенные осетры, их передавали в гражданскую столовую. Как-то вытащили огромную белугу, а народ уже вокруг толпится - знали, что сапёры осетрину иной раз просто так раздают. Романов не обманул надежд людей - приказал солдату разрубить рыбину и раздать рабочим. Тот вскоре вернулся и говорит: «Устал я её рубить - такая громадина. Пусть сами её разделяют и делят».

- В тёплые дни, - улыбается Романов своим воспоминаниям, - хозяйки на бельевых верёвках развешивали, чтобы подвялить, куски осетрового балыка, а мальчишки тайком угаскивали балык, добывали дома хлеб и потом где-нибудь в кустах дегустировали дары Волги. Ну а мы в 1954 году, накануне 37-й годовщины Великой Октябрьской революции, завершили свою работу, и командир батальона Александр Андреевич Тушев доложил

командованию о досрочном выполнении важного Правительственного задания. Мы все были рады удачному завершению дела.

За добросовестное отношение к выполнению порученного дела и проявления при этом смелости и мужества несколько сержантов, старшин и рядовых были награждены правительственными наградами. Офицеры - старшие лейтенанты Григорий Иванович Подкопаев, Николай Ильич Стемповский, лейтенант Дмитрий Владимирович Романов - командованием части тоже были представлены к награде, однако ответ на это был лаконичен: «Это - ваша работа». И всё же начальник инженерных войск не мог не поблагодарить офицеров за отлично выполненную работу, потому каждому вручил ценные подарки.

Батальон выполнил свою задачу, обезвредил территорию вокруг Сталинградской ГЭС от смертоносных «подарков». И потому ему был придан иной статус - учебной части. Он был преобразован на основании директивы Генерального штаба от 20 января 1955 года для подготовки специалистов по вождению плавающих инженерных машин в 275-й отдельный учебный переправочно-десантный батальон. Приказом начальника инженерных войск командиром части был назначен подполковник Василий Васильевич Щеглов. Стемповский и Подкопаев стали командирами рот, а Романов - заместителем командира роты по технической части, по-военному - зампотехом.

- У нас было столько работы, - вспоминает Дмитрий Владимирович, - что ни минуты свободной не возникало. В роте Подкопаева (ПТС – плавающий транспортёр средний) было 200 человек, таких рот и в природе не было. Ребят подбирали, чтобы образование было не ниже восьми классов, потом - не ниже десятилетки. А как иначе? Машины - сложные, в ПТС и ГСП (гусеничный самоходный паром) много гидравлики. Новобранцы - со всех областей России, много ребят из Северо-Кавказского округа. Первые курсанты обучались в течение трёх месяцев - с июня по сентябрь. А когда пришло в октябре-ноябре новое пополнение, то уже 15 декабря 1955 года

личный состав батальона (он в то время назывался 275-й отдельный учебный переправочно-десантный) приступил к боевой и политической подготовке специалистов плавающих машин по годовой программе обучения. А 1 декабря 1956 года наш батальон был переформирован в 16-ю школу подготовки младших специалистов плавающих машин центрального подчинения и выведен из состава Северо-Кавказского округа. Практически это уже стал полк, в котором 4 батальона.

Так и шла служба - друзья Романова стали командирами батальонов, а он - зампотехом части.

Дмитрию Владимировичу навсегда запомнился экспериментальный тысячекилометровый марш, когда курсантов школы обязали обеспечить переправу танкового полка через три реки - Волгу, Дон и Терек. Учёные в то время изучали психологическое состояние танкистов в различные моменты - от управления машинами на марше до действий на переправе, потому танкисты были увешаны датчиками, как новогодние ёлки.

Марш совершался только ночью, инженерное подразделение двигалось впереди танкистов, которые на место переправы прибывали утром.

За это время курсанты успевали провести инженерную разведку, в самом удобном месте наводили переправу: в воду шли самоходные паромы, на них грузили танки. Танкисты, увидев качающиеся на воде паромы, бледнели нешуточно - ведь можно танк нечаянно и в воду спустить, если промахнёшься. И тогда за рычаги танков (управление ПСП и ГСП тоже рычажное) садились водители плавсредств и транспортировали танки на другой берег. Напряжение было столь высокое (ответственность за технику, людей, точность и быстроту переправы, при этом вокруг инспекторы выше званием), что майор Романов за время марша похудел на восемь килограммов.

В школе количество бойцов доходило до трёх тысяч. На вооружении находились боевые машины - К-61 (первый батальон), ПТС (второй батальон), ГСП (третий батальон) и батальон водолазов. Изменились и

задачи - школа стала готовить младших специалистов инженерных войск - механиков-водителей ПТС, ГСП, К-61 и водолазов.

Курсанты изучали устройство машин, занимались вождением на полигоне. На учения ежедневно выходило до 120 единиц техники. Ночью тренировки проходили с приборами ночного видения. И не мудрено, что, оказавшись на больших воинских учениях, курсанты 16-й школы показывали высокое боевое мастерство, отмеченное благодарностями командования. Разлетались курсанты по подразделениям Советской Армии, а в школе оставались самые умелые, те, кто мог потом научить новобранцев. Эта традиция сохранилась до сих пор - на сержантские курсы направляются проверенные курсанты.

Благоустраивалась и территория части.. Курсанты и молодые командиры жили одно время все вместе - в землянках, жены старших офицеров - в Сталинграде. Однако это не могло продолжаться вечно, потому для солдат построили три казармы, а для офицеров начальник Сталинградгидростроя Ф. Г. Логинов (он очень уважал командование части, которая обеспечивала безопасность строительства ГЭС) выделил дом в 1-ом квартале Каменного городка. Семейные занимали в нём отдельные квартиры, а молодёжь - по три-четыре человека в комнате. Того из офицеров, кто женился, сразу же обеспечивали отдельным жильём.

В одной комнате с Романовым жили Василий Радчук и Лев Попенков. Лев сейчас - киевлянин, а вот у Радчука неожиданно «прорезался» журналистский талант, который привёл его к сотрудничеству с газетой «Стройка коммунизма», но где находится Василий, Романову неизвестно. И на том разговор о Радчуке прекратился. Но, видимо, так суждено, чтобы читатели узнали о Василии Радчуке больше сказанного Романовым. Да я и сама узнала о нем совершенно неожиданно. И рассказал мне о том замечательный человек – Моисей Андреевич Чиликин, первостроитель Волжской ГЭС, затем – работник завода синтетического каучука (ныне – это ОАО «Каучук»), очень скромный и неприметный внешне человек.

Посмотришь на него и не заподозришь, что в груди у него доброе, пламенное сердце, а душа постоянно в работе. Все воспоминания о встречах со знаменитыми людьми, свои мысли о современниках Моисей Андреевич облекает в стихи, пусть не совершенные, однако искренние, причём под каждым стихотворением или небольшой заметочкой аккуратно ставит дату, словно дневник пишет. И когда все наблюдения Чиликин объединил в книгу «Немного о Дорогове и его последователях», то привычке своей датировать записи не изменил, что сразу придало им историческую достоверность. Например, 21 апреля 1995 года была опубликована его заметка о Рафаиле Михайловиче Дорогове (бывший главный диспетчер Сталинградгидростроя, первый волжский писатель), а 7 мая 1995 года Моисей Андреевич вспоминал своих товарищей по литературной студии. Чиликин подарил мне свою книгу. И вот читаю: «К числу самых плодотворных, пожалуй, надо отнести Радчука Василия Адамовича. Пришёл он к нам в офицерской форме. Имел высокий с двумя залысинами лоб, голубые белорусские глаза и прямой, слегка одутловатый, нос. Редкий номер газеты выходил без его статьи или стихотворения. На все происходящие события он откликался немедленно. Звал к ускорению завершения строительных работ и улучшению жизни строителей. Суждения его всегда были очень резкими, и когда он всплывал, то всегда доставал папиросу и, помня, что в комнате не курят, постепенно «отходил». Из кармана у него постоянно торчала пачка «Беломора». На занятия являлся первым. Вот каким был Василий Радчук». Все воспоминания о людях Волжского Моисей Андреевич записывал в особую тетрадь. Потом его рукописи воплотить в книги помогли ему ребята-компьютерщики на заводе синтетического каучука. Все книги он подарил волжскому краеведческому музею. К сожалению, этот скромный и очень порядочный человек ушёл из жизни 11 декабря 2011 года.

Но вернёмся к рассказу о Дмитрии Романове, который женился первым из комнаты молодых офицеров, и очень этим гордился..

А дело было так. Он пришёл на ежегодную диспансеризацию в поликлинику (ныне - онкологический диспансер), необходимо было побывать и у стоматолога. И как сел в кресло зубного врача - молодой и красивой женщины, так понял, что позволит ей не только здоровый зуб удалить, но и своё сердце на ладони преподнесёт. Машенька тоже загляделась на офицера, но в ту первую встречу ни она, ни Дмитрий даже виду не подали, что влюбились друг в друга. Дмитрий «ходил кругами» вокруг симпатичной девушки-стоматолога около двух недель - молодые люди в то время были очень деликатными в вопросах любви. Даже заветное слово «люблю» не могли произнести сразу, не говоря уж о предложении секса. Наконец Марию и Дмитрия познакомили, и он пригласил её пообедать в столовую. Сейчас, наверное, кому-то это покажется смешным - «пригласил пообедать в столовую», слово это на фоне современных слов - «ресторан, кафе, бар» - уже потускнело, однако они были тогда – кафе-столовые, и туда приглашали юноши своих возлюбленных. После первой встречи Мария и Дмитрий часто гуляли по набережной, говоря о себе, своих семьях, пока не поняли, что должны жить вместе. Объяснение состоялось, затем была свадьба. И жили они вместе душа в душу, пока Мария Артемьевна не умерла в 1998 году. И как память о жене - их дети, Юрий и Елена.

Город, который обязан воинской части 73420 своей безопасностью, помогал ей, и часть всегда помогала городу. Бойцы строили стадион, названный в честь первого начальника строительства ГЭС - Федора Логинова. В паводки приходилось вывозить из затопленных мест людей и скот, уж тут водолазам и водителям плавающих машин работы - хоть отбавляй. Однажды во время стремительного подъёма уровня реки Ахтубы (вода чуть мост, соединявший Зелёный с городом, не перехлестывала) эвакуировали и жителей Зелёного. Кроме того с части никто не снимал ответственности за обезвреживание обнаруженных взрывоопасных предметов.

- Помню, - завершил свой рассказ Дмитрий Владирович, - Грише Подкопаеву в начале шестидесятых пришлось обезвреживать немецкие авиабомбы, одна из них почти рядом с домом была, где он жил. Да и сейчас много таких «подарочков» люди находят, а уничтожают их, конечно, сапёры с острова Зелёного. Левобережье Волги в Волгоградской области, на правом берегу - Городищенский и Тракторозаводской районы, а также Калмыкия и Астраханская область, - это всё зона ответственности нашей войсковой части», - заключил свой рассказ Дмитрий Иванович Романов.

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

В 14 лет Дима Романов пошёл работать на авиазавод. Как и многие московские мальчишки, он не только сутками стоял за станком, но и при бомбёжке столицы дежурил на крышах домов, тушил зажигалки, сбрасываемые фашистами. Летом, когда враг вплотную приблизился к Москве, вместе со взрослыми строил оборонные укрепления на подступах к городу, на заводах и улицах. И при этом размышлял: «Как же так, война скоро закончится, а я просижу в тылу?» И решился: «Пойду на фронт». И в 17 мальчишеских лет с медалью «За оборону Москвы» добровольцем, по примеру своего брата, ушёл на фронт. Произошло это в середине 1944 года.

Попал Дмитрий в сапёрные войска 3-го Украинского фронта. Окопы рыть он уже умел, а остальному - минировать местность, взрывать, очищать от мин землю его научили быстро, и Дмитрий Романов вскоре стал опытным сапёром, выполнял самые ответственные задания. Часть, в которой он служил, с боями прошла Румынию, Югославию, Венгрию и вступила на землю лютого врага. На груди молодого сапёра появились новые награды - медали «За боевые заслуги», «За взятие Вены», «За взятие Белграда». Конец войны Романов встретил в Австрии.

Два года после войны Дмитрий служил в Венгрии, один год - в Австрии, а потом его часть перевели в СССР, и пришлось кочевать по стране: Донбасс, Куйбышев, Баку, пока не поступил в Ленинградское военное Краснознамённое ордена Ленина инженерное училище, которое он успешно закончил. Службу начинал в Сталинградских Красных казармах, а потом в составе отдельного инженерного батальона разминирования в 1951 году оказался на о. Зелёном.

Для сапёров началась новая война. Металла в земле было столько, что миноискатели верещали, не переставая: осколки, пробитые каски, исковерканное стрелковое оружие. Среди этого хаоса - неразорвавшиеся мины, снаряды, авиабомбы, которые могли взорваться в любую минуту, но этого не произошло. Было извлечено из земли и обезврежено более 18 тысяч

боезапасов. Взвод Дмитрия Романова занимался глубинным разминированием Волги и Волго-Ахтубинского канала, а потом вместе с другими специалистами провёл сплошное поверхностное разминирование острова Зелёного, территории, предназначенной под строительство ГЭС, и посёлка Волжский.

Армейской службе Дмитрий Владимирович Романов отдал 30 лет, из них - четверть века он находился в составе войсковой части 73420, которая с самого начала дислоцировалась в посёлке острова Зелёный, уволился в запас в звании подполковника с должности заместителя командира войсковой части. Уйдя на заслуженный отдых, ветеран Великой Отечественной войны, ныне полковник, не порвал связь с родной частью. Он участвует во всех праздничных мероприятиях, что проходят в части, встречается с курсантами (ныне в/ч 73420 - учебная часть), рассказывает о войне, о фронтовых путях-дорогах и своих боевых товарищах, о том, как будучи мальчишкой защищал Москву, а потом обезвреживал сталинградскую землю. Рассказывает и о работе в городской автоколонне 1732, о том, как было налажено изготовление автобусов «Волжанин», которые колесят по дорогам всей страны.

Алексан БАХТИН,
газета «Волжская правда»

ОЖИВИВШИЕ ЗЕМЛЮ

«Кто сказал, что Земля умерла? Нет, она затаилась на время...» Эти строки были написаны позже. Много позже. А тогда зарубежные аналитики советовали не восстанавливать Сталинград. Тогда земля Заволжья беспрестанно звенела под миноискателем, делая его почти бесполезным. Поди знай, что в ней -: мина или каска, осколок, покорёженный автомат... «Только наклонись, и обязательно поднимешь какую-нибудь железку», - вспоминает Николай Стемповский, приехавший сюда в пятьдесят втором в составе 221 батальона разминирования. Решение начать великую стройку на месте великой битвы считалось верным, а значит, как учили классики, всесильным. Поэтому 221-му батальону поставили задачу: произвести сплошное комплексное - поверхностное, глубинное и подводное разминирование - территории поселков Спартаноака, Рынок, Лзтошинка, островов Песчаный, Зелёный и территории строительства Волжского.

Собачья услуга

- Товарищ генерал, батальон занимается по расписанию, - отрапортовал дежурный старший лейтенант Стемповский грузному человеку в штатском. Начальник стройки Федор Логинов особенно заинтересовался работой собак-минеров. осмотрел их вольеры, покачал головой:

- Надо бы построить для «друзей человека» жилище получше.

- Федор Георгиевич, - вмешался тут дежурный, - а наши офицеры в землянках живут. С семьями. Дети маленькие.

Вскоре семьи сапёров справляли новоселье в новеньком доме №18 первого квартала.

Четвероногие помощники были незаменимы. Обнаруживали снаряды лучше любого миноискателя Собака реагирует только на запах тола, и никакой ржавой каской её не проведёшь. Запах тола прочно связан в её памяти с лакомством - свежим мясом. Особенно славилась овчарка Найда: «унюхивала» снаряды на метровой глубине, а миноискатель глубже семидесяти сантиметров не брал. «Хвостатых кадров» в батальоне было

немного, и отношение к ним было особое. Одна диета чего стоила: 700 граммов несолёного мяса ежедневно. Да и как иначе, если некоторые советские мины и вовсе без собак не найдёшь - корпус-то у них деревянный.

Левобережье Волги в районе Сталинграда представляло собой систему минных голей, устроенных красноармейцами на случай прорыва обороны. Карт заминированных территорий у сапёров не было: видимо, затерялись в лихолетье. Выручали, как всегда, личный опыт, смекалка да свидетельства очевидцев. Служил в батальоне офицер, который в сорок втором участвовал в заминировании Заволжья, он по памяти и составлял карты минирования.

Особенности сапёрной рыбалки

Вот и о минном поле в районе Сухой Мечётки узнали от него. Смешанное минное поле - самая сложная задача для сапёра: земля начинена разного вида минами и снарядами. И когда придёт в действие этот «адов механизм», никто не знает. Но глаза боятся, а руки делают. Поставили оцепление, и Стемповский начал работу. А как раз в это время начальник Сталинградского гарнизона отдохнув на «обкомовских дачах» (район Рынка) ехал в Сталинград, а через оцепление его не пускают. И сколько ни бушевал, но через оцепление «прорваться» не смог.

Разгневался военачальник и велел комвзвода вместе с командиром части явиться на следующий день в комендатуру. Офицеры прибыли в назначенный срок, уверенные в своей правоте, но все же волновались, сидя в приёмной начальника гарнизона. И вдруг вместо наказания Стемповский получил извинение за «проступок» и похвалу за принципиальную позицию при выполнении боевой задачи. Коменданту сказали, что старший лейтенант Стемповский - именно тот офицер, который однажды разминировал командный пункт 62-й армии.

А было это так. Чуйков, в то время уже Маршал вооруженных сил СССР, оказавшись в Сталинграде, захотел побывать на своем бывшем командном пункте. Но прежде КП следовало обезопасить от возможных боеприпасов, оставшихся со времен войны. Несколько сапёров спустились в

затопленный блиндаж и вскоре буквально «вылетели» оттуда, доложив, что в ледяной воде невозможно работать, и потому КП осмотрен не полностью. Стемповский решил сам это проверить и, взяв известного в роте отчаянной смелостью бойца по фамилии Крутько, полез в блиндаж. Облазив все закоулки, убедившись, что КП безопасен, выбрались из блиндажа замёрзшие до такой степени, что слова произнести не могли. И тогда, несмотря на возражения сапёров, Чуйков преподнёс обоим по стакану водки: «Я не Устав нарушаю, а лечу вас. Пейте!» - приказал легендарный командарм. Начальник гарнизона, узнав об этом случае, решил не наказывать строптивного сапёра, а может, и не посмел – кто теперь о том знает? Главное, что ему пришлось изменить своё решение и объявить Стемповскому благодарность за грамотные действия по уничтожению минного поля.

Чаще всего снаряды обезвреживали на месте, как инструкция предписывает. Но порой приходилось вывозить их на полигон и там взрывать.

Подводное разминирование вёл взвод водолазов под командованием лейтенанта Дмитрия Романова. Был исследован каждый метр дна Волги, где сейчас стоит ГЭС. Волжские сапёры испытывали одновременно с разминированием новейшие приборы для подводного разминирования БИ-4 и для глубинного разминирования на суше - БИ-3. С помощью них удавалось обнаруживать авиабомбы на глубине до 7 метров. БИ-4 укрепляли при помощи троса на плоту и спускали в Волгу. Если обнаруживали мину, под воду отправлялся водолаз, чтобы её обезвредить. Об опасности каждого спуска не задумывались. «Молодость - лихость», - улыбается Дмитрий Владимирович.

Однажды водолазы-бомбоискатели нашли целую баржу со снарядами, в другой раз - трактор. А наземным сапёрам как-то попала швейная машинка на метровой глубине.

Сапёры дежурили на земснаряде: в размываемом грунте часто попадались мины. А когда на строящейся ГЭС забили шпунты, минёрам

пришлось и за ледоходом наблюдать. Чтобы крупные льдины не повредили конструкцию, их взрывали. «Глушенных» осетров потом передавали в столовую, а то и просто раздавали гражданским.

- Вытащили раз огромную белугу, - вспоминает Стемповский, - а народ уж вокруг толпится. Приказал я солдату порубить её. Вскоре, смотрю, возвращается. «Рубил-рубил, - говорит, - устал, бросил. Пускай сами делят». В теплые дни хозяйки вывешивали во дворах на бельевых верезках вместо наволочек куски балыка. И для ребятни было высшим шиком утащить из дома кусок хлеба и тайком «дегустировать» прозрачные от жира и солнца дары Волги.

Вредные ископаемые

Строительство медицинского городка шло ударными темпами. Вдруг ковш экскаватора, копавшего котлован под фундамент хирургического корпуса, закрежетал по металлу - бомба! Сапёров вызвали немедленно.

- Приезжаю, - вспоминает Николай Ильич Стемповский, - смотрю: авиабомба в 75 килограммов. Стабилизатор торчит. На месте не взорвётся: стройка вокруг. Надо вывозить. Говорю экскаваторщику: помоги в машину погрузить. «Иди ты, - отвечает, - я жить хочу». Я - к шофёру: Тот замахал руками и - ходу. Позвонил начальнику стройки: что делать?. На месте как раз был его заместитель А. Г. Шило. Он и говорит: «Жди. Сейчас пришлю свою Волгу». И вот мы с его шофёром Васей бережно погрузили эту «чушку» на заднее сиденье «Волги» и вывезли за Рабочий посёлок. Осмотрелись, нет ли кого вокруг, и спустили её в овраг. Там она и рванула.

В марте 1964-го в районе туберкулезной больницы была обнаружена стокилограммовая немецкая авиабомба. В шестьдесят пятом авиабомбу нашли, когда копали котлован под коллектор на улице Космонавтов. В обоих случаях их обезвреживали минёры под командованием Григория Подкопаева.

Мы забываем войну. Но война не забывает о нас. Пацаны до сих пор находят мины образца сорок второго года...

Позавчера исполнилось 56 лет со дня нашей Победы.

Ирина БЕРНОВСКАЯ.

Газета «Волжская неделя», 11 мая 2001 г.

P.S. Выражаем *благодарность* за *помощь* в *подготовке* материала
Александру Ефимовичу Басалаеву, Николаю Ильичу Стемповскому,
Дмитрию Владимировичу Романову и дочери Григория Ивановича
Подкопаева - Ларисе.

«У НАС ЕСТЬ НА КОГО ПОЛОЖИТЬСЯ!»

**Ветеран Великой Отечественной войны
полковник Романов считает,
что традиции его поколения продолжают жить и в наше время**

Обаятельный, весёлый, любящий жизнь и оптимистичный. Таким предстал перед нами ветеран Великой Отечественной войны Дмитрий Романов. Глядя на этого человека, трудно представить, что ему довелось пережить самые страшные сражения современности.

Романов на фронт попросился сам, будучи 17-летним юношей.

Говорит, что отсиживаться в тылу не хote, но слово «отсиживаться» в его случае неуместно. Ещё подростком, Дима уже несколько лет работал на авиационном заводе в Филях был награждён медалью «За оборону Москвы».

Уйдя на войну, попал в самое пекло - именно в 44-м шли ожесточенные бои между наступающими советскими войсками и отчаянно сопротивлявшимися немцами. А военная профессия нашему герою досталась одна из самых сложных.

Сапёр, как известно, ошибается только единожды, а Романов умудрился в буквальном смысле слова «проползти» пол-Европы разминировав и установив несчётное количество мин.

Украина, Молдавия, Болгария, Румыния, Югославия, Венгрия и, наконец, Австрия. Освобождая от фашистов городок Линц, молодой человек даже подумать не мог, что выполняет не только военную, но и идеологическую миссию. Лишь после войны Романов узнал, что именно в Линце родился Адольф Гитлер. Выходит, родину фюрера «на штыки» взяли простые русские парни, такие, как Дмитрий Романов. Но досталась Европа слишком дорогой ценой - на полях сражений полегли сотни тысяч советских воинов.

- Мы тогда о смерти как-то не думали, - признается Дмитрий

Владимирович, - все больше о долге. Да и молодые были, любая задача казалась по плечу. Может, и выглядит это сегодня немного наивно, но в те времена наша вера в свои силы, чувство ответственности перед Родиной помогали преодолеть любой страх.

После войны сапёр Романов остался в армии. Какое-то время служил в Европе, затем окончил Ленинградское военное инженерное училище и стал офицером. В наши края попал в 1951 году, когда на острове Зелёном формировалась инженерно-сапёрная часть. Вместе с сослуживцами Дмитрий Романсе проводил зачистку территории будущей Волжской ГЭС от оставшихся после войны боеприпасов. Масштаб боев под Сталинградом сапёр узнал на собственном опыте. На обезвреживание бомб и снарядов ушло целых три года. Всего из земли извлекли 18 тысяч боеприпасов.

В воинской части на Зелёном Дмитрий Владимирович отслужил почти 25 лет. Уйдя в запас, Романов продолжил работать на «гражданке» - в Волжской автоколонне 1732.

- Коллектив тогда там подобрался что надо, - вспоминает полковник Романов, - любая задача была по плечу. А в конце 80-х пришёл Анатолий Бакулин - крепкий хозяйственник и очень отзывчивый человек. К нам, фронтовикам, он всегда относился с особым почтением. Всех знал поимённо, к торжественным датам за каждым ветераном присылал «Волгу», устраивал концерты в клубе. Вот и теперь не забывает нас, хоть и стал большим человеком, заместителем председателя областной Думы. Накануне 66-й годовщины Победы в Сталинградской битве прислал мне поздравительный адрес. И друзья мои получили такой же

Ветеран с теплотой и даже гордостью показывает открытку, подписанную лично Бакулиным. Вспоминает, как работали вместе, сделали автоколонну образцово-показательным транспортным предприятием.

- Это человек, каких мало, - говорит он о Бакулине, - строгий, но справедливый, трудолюбивый, открытый. Он всегда находил пути решения, даже когда казалось, что ситуация зашла в тупик. Я горжусь, что работал под

его началом и считаю Бакулина продолжателем наших фронтовых традиций. Шутка ли, во время полной разрухи и хаоса он создал автобусное производство. Теперь наши «Волжанины» ездят и в Волжском, и в столице - я их там сам видел. В прошлом году 9 Мая был в Москве. На Арбате решил сесть в автобус, гляжу: наш «Волжанин». У меня даже сердце начало биться чаще от гордости. В общем, если говорить военным языком, то я с Бакулиным в разведку пошел бы.

Открытки с поздравлением от Анатолия Бакулина получили ещё 6 тысяч волжан. Это ветераны войны, труженики тыла, участники Сталинградской битвы. По мнению депутата, это вовсе не простая формальность.

И вот что говорит об этом сам Анатолий Бакулин

- 2 февраля значимо не только для нашей области, страны - величайшая дата всей мировой истории. Наш долг - хранить память о событиях зимы 1943 года, отдавать дань уважения защитникам Сталинграда и всем, чьих судеб коснулась Великая Отечественная война. Этих людей осталось немного, и в наших силах дать им самое важное - наше внимание и заботу.

2 февраля, в день завершения Сталинградской битвы, полковник запаса Дмитрий Владимирович Романов вместе с боевыми товарищами, традиционно поднимает «наркомовские 100 граммов», но первый тост всё-таки за Победу, а еще за то, что в Волжском есть достойные продолжатели традиций военного поколения.

Газета «Волжская правда»

Послесловие: вот такая получилась небольшая повесть о Дмитрие Романове, которую создали журналисты Волжского. Кроме того, в ней фигурируют имена и других воинов-ветеранов.